

George CHERON (Los Angeles)

MIXAIL KUZMIN AND THE "STRAY DOG" CABARET

The "Stray Dog" ("Бродячая Собака") cabaret made its debut on December 31, 1912.¹ This St. Petersburg cabaret was to function as an exclusive club where the artists and literary elite of pre-revolutionary St. Petersburg would meet. Founded by Boris Pronin (1875-1946), an actor and follower of Mejerxol'd's, this "night-club" was to be not only a gathering place for writers, poets, artists, musicians and their friends, but also a serious theater of masks. The postulate that the mask is the symbol of the theater and that the theater of masks is synonymous with the "balagan" was fervently upheld by Mejerxol'd. The grotesque, according to Mejerxol'd, was but a device of the balagan.² This concept of the "theater-balagan" became the underlining principle of the "Stray Dog" cabaret at first. Pronin grouped around himself people who had a serious interest in the theater. Together they formed "The Intimate Theater Society" ("Общество интимного театра"). Kuzmin, Mejerxol'd, Evreinov, Fedor Komissarževskij, Remizov, Nuvel', Nurok were all members of the Society. The "Stray Dog" was located in a re-furnished wine cellar on Mixajlovskaja Square, not far from the present-day Malyj Opera Theater. This basement was decorated by a number of artists, among them Sergej Sudejkin. Viktor Šklovskij, a frequenter of the cabaret, has left a description of the "Dog":

Бродячая собака помещалась на Михайловской площади, во втором дворе. Пройти можно бы и с улицы, но надо было собираться в подвале и надо, чтобы подвал был на втором дворе. Это был центр города. Спуск, своды. Своды расписаны Судейкиным. Камин, окна заставлены. Здесь собирались люди. Это была организация театральная.³

During the first year of its existence, the "Stray Dog" organized a series of literary and poetry evenings and lectures,⁴ often interspersed with theatrical interludes (intermedii). Many members of the intelligentsia of St. Petersburg would often attend and take part in the cabaret's activities. Šklovskij, in his memoirs, recounts who was in attendance:

Здесь ходил Кузмин с зачесанными на голый череп волосами, с прямо обрезанными щеками. Он был похож на только что поставшую старуху. Здесь был Георгий Иванов, вероятно красивый, гладкий, как будто майоликовый, и старый Цибульский и Пяст,

и Радаков из "Сатирикона", и раз даже зашла Нагродская. Вербицкая заходить не решалась. Здесь шептал стихи Хлебников. Во второй комнате, там, где нет камина, в черном платье сидела Анна Андреевна Ахматова.⁵

In addition, Blok, Belyj, Brjusov, Gumilev, Majakovskij, Esenin all appeared here and read their work before a larger public than was possible in the small established literary gatherings of the time.

During its first "serious" season, only one of Kuzmin's plays was performed. This play "The Birth of Christ: a puppet show" ("Рождество Христово: вертеп kukol'nyj") was shown on January 6, 1913 (Twelfth night) with sets and costume designs by Sudejkin and music by Kuzmin.⁶ For the framework of his play, Kuzmin utilized a form of folk puppet theater popular in the Ukraine during the 18th-19th centuries, the "Vertep". In the strict sense of the word, "Vertep" refers to a two story puppet booth. The top level provided a mystery spectacle of the Nativity, whereas the bottom level presented comical skits, often of a satirical nature, following the main performance. Kuzmin by his deliberate employment of such an antiquated art form stressed the conscious theatricality inherent in his play. He successfully merged the serious with the flippant, the religious with the irreligious. Sudejkin's lovely decorations neutralized Kuzmin's excessive irony and made this dramatic version of the familiar Evangelical tale palatable to everyone, believers and nonbelievers alike.⁷ The review in the journal *Apollo* spoke well of the emotional appeal of this simple play:

Когда началось действо, вышли на крошечную эстраду, освещенную высокими желтыми свечами, три ангела и спели высокими, срывающимися детскими голосами праздничную стихиру, - сразу почувствовалось нечто подлинно-трогательное, нечто иное, чем обычный, бабанный по замыслу и исполнению спектакль... Когда волхвы проходили, ведомые звездой, с дарами, когда дьявол нашептывал злые советы Ироду, когда Мадонна вышла из вертепа и села на осел, казалось, будто настоящая мистерия, настоящее тайное действо совершается под низкими сводами подвала. Было настоящее волнение, когда наконец зазвучал заключительный хор: "Вот Христос родился, Ирод посрамился, с чем вас поздравляем, счастья желаем". Что-то удивительно детское было во всем этом.⁸

When the "Stray Dog" celebrated its first anniversary, Kuzmin wrote a hymn to it. In it he evokes the closeness of the members who gathered at the "Stray Dog" and the merriment of the cabaret.⁹

After the first season, Boris Pronin, as the manager and founder of the club, opened the "Stray Dog" to the general public. For an exorbitant entrance fee (sometimes as high as 25 roubles) these

outsiders, called "pharmacists" by the insiders of the club, could listen to debates, poetry readings and lectures. After the theater these rich bourgeois would flock to this "avant-garde" cafe to mingle with the fashionable bohemians. Put off by this crass materialism whereby the "Stray Dog" became a place of entertainment in which the performer entertained the public for money rather than for pleasure or for art, many original members left, among them Kuzmin. Afterwards, Kuzmin would appear on occasion to perform his songs,¹⁰ or take part in special evenings such as the one devoted to the famous ballet dancer Tamara Karsavina¹¹ or just simply to chat and meet friends. In 1914 the "Stray Dog" held an evening devoted to Kuzmin's drama. Among those present was the great impresario Sergej Djagilev, a close friend of Kuzmin's. Djagilev proposed taking the "Stray Dog" on tour to Paris, but, unfortunately, due to the outbreak of the First World War, this plan was abandoned.¹² Because of the strict wartime regulations, no alcohol was allowed on the premises of the cabaret. In violation of this regulation and partly on account of the scandals caused by the futurists, the "Stray Dog" was closed down by the authorities in April 1915.¹³

N o t e s

1. R.TIMENČIK, "V artističeskom kabare 'Brjodačaja sobaka'", in: *Daugava* (Riga), 1 (1983), 120.
2. V.Ė.MEJERXOL'D, "Balagan", in: *Stat'i, pis'ma, reči, besedy, 1891-1917*, vol.I, Moscow 1968, 207-229.
3. V.ŠKLOVSKIJ, *Žili-byli*, Moscow 1964, 257.
4. One such lecture, which was published in the popular weekly *Sinij žurnal*, 18 (1914), 6, appears in the appendix to this article along with other materials.
5. ŠKLOVSKIJ, op.cit. 257.
6. This play is published in the appendix for the first time. The original manuscript is in the Central State Archive of Literature and Art (fond 232, opis'2, ed.xr.3) in Moscow.
7. N.EVREINOV, "Živopis' i teatr", in: *Granī*, 39 (1958), 172.
8. S.AUSLENDER, "Teatry", in: *Apollon*, 2 (1913) 66-67. Ivan Bunin was also one of the members of the audience at the performance of Kuzmin's play and has left a rather sarcastic picture of the production in his reminiscences: I.A.BUNIN, *Pod serpom i molo- tom*, London (Canada), 1975, 118.
9. The hymn was published in one of the programs of the "Stray Dog". Aleksej Tolstoj's copy of the program with his own personal notations is reproduced in the appendix. It is to be found in the

manuscript section of the A.M.Gor'kiĭ Institute of World Literature of the Academy of Sciences of the USSR (fond 43, No.28/7).

10. A.ŠAJKEVIČ, "Peterburgskaja Bogema (M.A.Kuzmin)", in: *Orion*, Paris 1947, 136-137.
11. The "Stray Dog" issued a small booklet commemorating the evening. It contained a poem by Kuzmin about Karsavina: *Tamare Platonovne Karsavinoj - Brjodačaja sobaka, 26 marta 1914.*
12. N.PETROV, *50 i 500*, Moscow 1960, 146.
13. EVREINOV, op.cit., *Grani*, 41 (1959), 182. Scandals caused by the Futurists at the "Stray Dog" are discussed in the following two books: B.LIVŠIČ, *Polutoraglaznyĭ strelec*, New York 1978 (reprint), 179-182; V.MARKOV, *Russian Futurism*, Berkeley and Los Angeles 1968, 278. Almost coincidentally with the closing of the "Stray Dog" Kuzmin published his novel *Travellers by Land and Sea (Plavajuščie-putesestvujuščie, 1915)*. Many portions of this novel take place in a cabaret called "The Owl" ("Sova"), which strongly resembles the "Stray Dog". Several of Kuzmin's protagonists are composites of friends and visitors of the famous St.Petersburg cabaret. In addition, T.Krasnopol'skaja (Šenfel'd) modelled her cabaret, "Zabludšaja Ovca", in her story "Nad ljubov'ju" (cf. *Petrogradskie večera*, book three, St.Petersburg 1914, 89-180) after the "Stray Dog". Axmatova and Xlebnikov both wrote poems about the "Stray Dog": "Cabaret artistique" (1913) and "Žut' lesnaja" (1914) respectively.

Какъ я читалъ докладъ въ „Бродячей собаке“.

Недавно было прочтано мною докладъ въ похвощеніи „Бродячей собаки“ о современной русской прозе. Это была скорѣе катихизисъ и откровенная беседа, но столько же проза исключительна, сколько вообще о положеніи современной русской русской литературы послѣ победы модернизма 90-хъ годовъ и прекращенія спеціального органа. Послѣ „Високъ“ не было органа модернизма и вся писательская масса не въ народъ, а въ клубокъ, участію въ журналахъ большинства и маленькиахъ, причѣмъ провозгласивъ ассимиляцию старыхъ и новыхъ. Необходимость освобожденія художественной критики не только отъ точки зрѣнія политической и общественной, но и отъ пристрастія въ пользу какой-нибудь одной школы. Результаты великихъ школъ должны быть техническими; неудобство, почти невозможность идеалистическихъ основаній литературныхъ школъ. Требования къ личности писателя. Покаянная путаница въ распредѣленіи на группы, причѣмъ В. Соловьевъ и З. Гиппиусъ оказываются въ группѣ Эго-футуристовъ, какъ участники „Очарованнаго путника“. Единственный критерій можетъ быть только техническій разборъ языка и стиля. Три пути для прозы: путь простоты (Пушкинъ), русской поэтичности и чистоты (Гоголь черезъ Лескова), и путь фальсифицированнаго интеллигентнаго языка (Тургеневъ черезъ Чехова). Всякое настоящее писательство просто. Превозидаясь произведенія построены на одной минутной кинематографической приманкѣ въ простотѣ формы, искренности и сложности

Известный поэтъ и романистъ
М. А. Кузминъ.

содержанія, къ дифференцированію и до послѣднихъ предѣловъ. Заслуги актиана и футуризма (освобожденіе слова). Новыхъ силъ можно ждать только со стороны футуристовъ и двинуть. Въ заклю-

ченіи были прочтаны отрывки изъ поэмъ В. Модзалевскаго, „Смерть Паладиона“ В. Хлебникова и главы изъ нечатавшагося романа Юр. Юркуна „Шведская перчатка“.

Презія какъ и докладъ происходила подъ председательствомъ Т. Г. Шенфельда. Спиксировали Н. Кузьбикъ, П. Мосоловъ, Н. Зданевичъ, М. Моравская, Н. Гумилевъ, г. Демкинскій и г. Великовъ. Н. Кузьбикъ развивалъ теорію освобожденія слова, Н. Зданевичъ доказывалъ необходимость школы, какъ средства для борьбы и полемикъ, и придавалъ большое значеніе новизнѣ техническихъ приемовъ, подтверждая это выдержками изъ романа Юр. Юркуна. М. Моравская утверждала необходимость направленія и находила современное направленіе въ обращеніи къ простѣйшему и народному. Поминила Э. Гуро, Н. Гумилевъ констатировалъ разрозненность публики и писателей, находилъ школы необходимыми, какъ армьи и полчища, бою которыхъ по убѣжденію оппонента, человекъ только въ подвигу человекъ и нисколько не гражданинъ. Находить современное направленіе строгіе кинематографическіе къ общности душевной и полагать, что оно весьма кратковременно, и Демкинскій находилъ, что сдѣлавшись къ простотѣ пропадаю уже въ минуту послѣдней дѣятельности Л. Толстого и теперь сдѣлать возможно. Послѣ презія М. Кузьминъ, Рюрикъ Ивановъ, М. Моравская и Дм. Цейцъ читали стихи.

М. Кузьминъ.

1

4.

2

3.

3

11

Ваша сестрица на удивление
мнея много знает.
Вспоминается голубой
и дождливый в крови
и, пожалуй, так и будет.
Самое интересное
что сейчас? (99%) все хорошо.

МИХАИЛ КУЗМИН

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО (ВЕРТЕП КУКОЛЬНЫЙ)

1912

ЛИЦА

Говорящие:

Иосиф

Ирод

1-ый пастухи

2-ой

1-ый

2-ой волхвы

3-ий

Дьявол

Звезда

Осел

Соломонида

Женщина с ребенком

Не говорящие:

Мария Дева

Младенец.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пастухи спят

Молодой пастух: Не спится дядя, сон бежит:
Все снится мне - земля дрожит,
Звезда горит вверху так странно
Как очи милой Марианны.

Старый пастух: Подумай, скоро Рождество
А ты несешь все про свое!

Молодой пастух: Собаки воют, жмутся овцы
Посрамлены все баснословцы.
По коже бегает мурашки...
Летят к нам Божеские пташки.

(Прилетают ангелы)

Ангелы (поют): Слава в вышних Богу
И на земле мир.
Спас нашел дорогу
Древний пал кумир
Веселитесь люди.
Весть о новом чуде
Мы провозглашаем
Вас возвеселяем
Аллилуия!

(Улетают)

Старый пастух: Пойдем за ними вслед, сынок,
Ведь это яслям не в шинок,
На каждый день Христос рождается
И ангел с неба к нам является.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Соломонида: Что, Иосиф приуныл.
Что, голубчик, скучен
Сколько на земле ни жил,
Богу был послушен.

Иосиф: Я скучаю, не шутя,

Мать Соломонида:
Родилось мне дитя,
- Горе, да обида.
Я Марии не знавал,
Ложа не касался
И не думал не гадал
Как в отцы попался.

Соломонида: Ты, Иосиф не тужи:
Безо всякой лжи
Я тебе открою,
Что своей рукою
Я хотела принимать,
Но узнала Девой мать,
Сколько глаз ни три я, -
Все свята Мария.

Иосиф: Я уже не больше не тужу,
Дай пойду я посижу
У вертепных яслей
Как пошли мы в Вифлеем,
Я не сплю, не пью, не ем,
Хоть бы лук на масле.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ирод спит.

Дьявол: Ирод, царь, не спи:
По глухой степи
Уж волхвы идут
И дары несут.
Крови не жалея,
Убивай детей
Будем царь Христос
Нам с тобою нос.

Ирод: О серный, черный сон
Встревожил душу он
Терплю, терплю мытарство
Не мил мне белый свет,
Зачем мне власть и царства
Когда покоя нет!

Музыка .

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

(Идут волхвы со звездой)

Звезда: Идите, путники за мною:
Я приведу вас ко Христу,
Цари, ведомой звездой
Нагрждены за простоту.

(Поднимают у вертепа.)

Первый волхв: Кумиры медные звенели,
Заржал священный белый конь.
Как веры пламенный огонь
Несу я золото к колыбели.

(Поклоняется)

Ангелы: Аллилуия.

Второй волхв: Напрасны ныне ковы ада нам,
Снята Адамова вина,
Кому звезда любви видна,
Идет сюда с душистым ладаном.

(Поклоняется)

Ангелы: Аллилуия.

Третий волхв: Из трех царей я всех моложе
Любовью девственной дщю
Младенцу смирену приношу
С невинного воспрянув ложа.

(Поклоняется)

Ангелы: Аллилуия.

(Оставив дары у вертепа, волхвы уходят.)

Музыка.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Женщина с мертвым ребенком:

Ирод проклятый младенца убил
Ирод проклятый себя погубил.
Вспомнишь проклятый несчастную мать
Как от червей будешь сам погибать.

Горы, море, плачьте, вторя:
Горе, горе, горе, горе.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дьявол: Что ты, Ирод, натворил
 Опустил Иисуса!
 Напротив одних могил -
 Меры нет и вкуса.
 Отплывают корабли,
 Белый парус бьется,
 Все на небе и земли
 Над тобой смеется.

Ирод: Ты сам, ты сам мне нешептал
 Чтоб я детоубийцей стал.
 Теперь смеешься, подлый раб,
 Что я вдруг оказался слаб?

(Впадает в исступление.)

Я царь, я царь, никто не царь
Подобных не бывало встарь!
Темно... мне не дойти до сенец...
Где он, предсказанный младенец?
Прощайте. Ирода уж нет,
Помер в моих зеницах свет.

(Падает без чувств.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Звезда: В Египет Сласа провожаю,
 И тихо свет свой угашаю.

(Тушит свою свечку.)

Иосиф: Ирод злобой сыпет,
 Света не хотя
 Отвезу в Египет
 Милое дитя.

(Везжает в Египет.)

Осел: Все говорят: ты глуп, осел,

Твои так длинные уши
Но я призыванье нашел
Вот тут народ и слушай!

(Уезжают в Египет.)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Все (поют): Вот Христос родился,
Ирод посрамился,
С чем вас поздравляем
Счастья желаем.
(Трижды)

КОНЕЦ